

ВАДИМ СОБКО

КРОВЬ УКРАИНЫ

С 54.

Р 30308

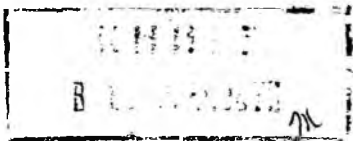

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

№ 56

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

МОСКВА — 1942

ВАДИМ СОБКО

КРОВЬ УКРАИНЫ

(ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА)

Перевод с украинского

30308

Издательство „Правда“

Москва 1942

5538

Зам. отв. редактора И. БРУХИМОВИЧ

Издательство «Правда».

Изд. № 894.

А61716.

Заказ типографии 2737.

Тираж 50.000 экз.

Формат бумаги 105×148 мм. Печ. л. 1½. Вн. в 1 п. л. 46.000.

Цена 20 коп.

Подписано к печати 9/XI 1942 г.

Тип. газ. «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

ДЕД ГАЙВОРОН

Широкая, медленная волна проходила по необозримому полю пшеницы. Казалось, будто это море медленно колыхнется, дышит под легкими порывами ветра. Тяжелый колос гнул стебли книзу. Полные зерна, налитые солнечными лучами, угадывались, будто просвечиваясь в каждом колоске.

Солнце всходило из-за бугров. Красное зарево пылало в долине. Начинался жаркий и светлый летний день. Село лежало глубоко в балке, еще овеянное негустым утренним туманом. Через село целую ночь шли обозы. Тучи пыли вздымались над улицей. Сейчас пыль осела тонким, мутносерым слоем, покрывая все — листья, травы, лица людей. И оттого капли росы на серых листьях казались еще более свежими, еще более яркими.

Где-то на краю села, как раз против солнечного восхода, загорелся опромный пожар. Пламя вырывалось высоко в небо. Столб черного дыма вздымался над молочнобелым утренним туманом.

Дед Гайворон стоял на бугре, на краю поля, и смотрел на село. Тяжелыми загорелыми руками опирался на немецкий автомат. Жилы на руках налились от напряжения, и казалось, будто это корни огромного дерева оплетают руки деда.

Михаил Гайворон стоял рядом с дедом и тоже смотрел на село. Там, внизу, с каждой минутой все ярче разгорался пожар. Будто два солнца всходили над Черным Яром.

Неожиданно слева высоко взвился и лизнул небо большой огненный язык. На бугор донесся заглушенный взрыв. Тяжелый, жирный дым полез вверх.

— Склад нефти зажгли, — тихо сказал дед.

Несколько минут в глубоком молчании смотрели они на зарево пожаров. Село потемнело и потерялось в глубине балки.

— Пшеницу спалить нужно, — неожиданно, нарушая тишину, сказал Михаил.

Он сказал это тихо и просто, как что-то само собой понятное. Только по тому, как твердо и непослушно шевельнулись губы его, было видно, что нелегко говорить такие слова.

Дед Гайворон медленно всем телом повернулся к полю. Волны проходили по пшенице. После каждого дыхания ветра было слышно тихое сухое шуршание.

— Зерно осыпается, — не отвечая на слова Михаила, сказал он. — Ты слышишь, зерно осыпается.

Михаил молчал. Тогда дед снял руку с автомата и сорвал колосок. Он растер его между ладонями, по-

дул, отметая полову, и показал Михаилу. Порядочная кучка золотого, почти прозрачного зерна лежала на грубой коже ладони.

— Зерно осыпается, — еще раз повторил дед.

— Нужно сжечь, — сказал Михаил.

Дед резко повернулся. От прежнего спокойствия его не осталось и следа. Глаза сузились и потемнели. Губы задрожали, как в лихорадке.

— Ты ее сеял? — прохрипел дед Гайворон.

Михаил молчал.

— Смотри, — дед протянул к нему ладонь, где кучкой лежала пшеница. — Смотри, вот он, хлебец наш. Я его вспахал, это поле, моя бригада засеяла, мы все эту пшеницу, как ребенка, выхаживали, а теперь сжечь? Не дам!

И дед снова ухватился за автомат, надежное оружие, оставленное вчера комиссаром, так, будто и в самом деле вот сейчас собирался огнем защищать пшеницу.

— Вы и сами знаете: мы не спалим, так немцу может достаться.

Порыв ветра, более сильный, чем до сих пор, прошелся по полю. Пшеница заколыхалась, и тихое шелестение послышалось яснее.

— А какой урожай был! — сказал дед с такой тоскою, с такой яростью в голосе, что Михаил невольно вздрогнул. — Не много таких урожаев было на моем веку. Неужели же сжечь?

Дед сказал эти слова, будто спрашивая сам себя. Михаил понял и промолчал.

— Не дам жечь, — раздраженно сказал дед, — не дам жечь! Мне комиссар недаром дал оружие. Я это поле защищать буду, как душу свою. Хлеб свой, кровь свою. Слышал? Не дам жечь! Довольно уже сожгли! Люди все свое палят. Смотри, горит Украина!

Широким движением руки дед показал на горизонт, и в самом деле со всех сторон охваченный заревами то солнечного, то настоящего пожара.

— Горит Украина, — сказал Михаил, чувствуя, как сжимается сердце, и дыхания не хватает в груди, и ярость заливает, затопляет все чувства.

Тяжелым усилием заставил себя говорить, думать, двигаться уверенно и спокойно.

— Молчи, — приказал дед.

Где-то не очень далеко упали и разорвались мины. Разрывы их, сухие и хриплые, напоминали собачий лай. Михаил понял, что дальше ожидать нельзя. Опустил руку в карман. Сухо зашелестели спички. Дед Гайворон вздрогнул и посмотрел на Михаила.

— Ты иди, — просто сказал он, — все равно тебе сжечь ее я не дам.

— Нельзя оставлять хлеб немцам.

— Так иди к своему комиссару и скажи: ни одно зерно не достанется немцам.

Дед остановился, будто ему не хватило дыхания. Потом провел рукою по сизовато-черной стали автомата, лаская прохладный металл:

— Так и скажи: ни одного зерна.

И неожиданно голос деда Гайворона сломался, высокие нотки появились в нем, и, сам это заметив, дед замолчал.

— Ну, прощай, сыну, — после паузы снова заговорил он. — Тебе время идти. Прощай.

В эту минуту Михаил не мог узнать своего деда. Всегда суровый и сдержанный, дед Гайворон стал улыбчивым и нежным. Будто только что заменили его, будто не существовало ни войны, ни сухих разрывов мин, ни опромного поля перестоявшейся пшеницы.

Они обнялись.

— Прощай, сыну.

— Прощайте, диду.

И, уже не оглядываясь, спеша, Михаил пошел вниз, вдоль золотого поля. Он уходил все дальше и дальше, с каждой минутой глубже погружаясь в тень. Остановился на окраине села и посмотрел на бугор. Дед стоял, ясно освещенный солнцем, стоял неподвижно, и нельзя было понять, куда он смотрит. Михаил махнул рукой на прощанье и быстро пошел, догоняя своих.

Тихий шум стоял над пшеничным полем. Осыпалось зерно. Ветер шелестел и играл длинными усами колосьев. Дед Семен стоял неподвижно и смотрел на село.

Он знал его с малых лет, это большое, красивое село. Вон в той хате он родился, вырос, вырастил детей, может быть, и умереть судилось в этой же хате.

Он сейчас пойдет в село и сожжет хату, сожжет все, что только можно сжечь, чтобы дым поднялся над всей Украиной, над целым миром. А потом вернется к этому золотому полю и будет ждать гостей. Он дождетя.

Дым все выше и выше поднимался над селом. Уже нельзя было разобрать, что именно горит. Сплошное море дыма колыхалось в балке. В нешироких разрывах можно было увидеть отдельные хаты. Дед стоял и смотрел.

Рота лейтенанта Шрама выходила из села. На мгновение деду показалось, будто он видит Михаила.

Солнце подымалось все выше. Пожары понемногу затихали. Ветер разносил едкий дым и смрад. Дед все еще стоял на бугре.

Село затихло. Ни человека, ни движения, ни дыхания. Даже собаки перестали лаять на пожар. Только дым вился над пожарищами, только ласточки проносились низко над землею в предчувствии дождя. Дед Гайворон отошел немного в сторону от дороги, где молодая посадка густыми листьями тянулась к солнцу. Оттуда, сам незамеченный, мог он видеть все — и село, и дорогу, и поле.

Немецкие мотоциклисты вынырнули так неожиданно, что дед даже сразу не понял, в чем тут дело. Они мчались с большой скоростью, мчались, стреляя на ходу в воздух. Они кричали что-то непонятное и, видно, старались наделать как можно больше шума.

Дед опустился на землю и поднял к плечу автомат.

Потом посмотрел на поле и отложил оружие в сторону. Еще рано.

Неожиданно из-за села ударили по мотоциклистам из пулеметов.

Два немца упали убитыми. Остальные наскочили на них, попадали, потом встали и в беспорядке повернули назад.

И тогда начался огонь. Это был бешеный шквал с обеих сторон. Казалось, будто небо расколосось пополам и высыпало на землю все свои звезды, молнии и громы. Ветер пропах едким дымом пироксилина.

Полуоглушенный дед лежал у молодой посадки лицом вниз и ничего не видел. Он слышал на дороге гул моторов, но не мог поднять голову, не мог посмотреть. Так продолжалось очень долго. Огонь не прекращался ни на мгновение. А потом, когда он, наконец, затих, тишина показалась опасной.

Дед медленно поднял голову и с ужасом убедился, что уже скоро вечер. Приглушенный, без чувств пролежал он тут почти весь день.

Посмотрел на поле. Тихо покачивались колоски, шелестело, осыпаясь, зерно. На дороге лежала тяжелая немецкая машина, разбитая вдребезги. Серые трупы валялись у высоких колес.

Дед протянул руку и нащупал автомат. Медленно подтянул оружие ближе к себе, к самому телу.

Вдруг резкий вой прорезал воздух. Он возник где-то в глубине пшеничного поля, поднялся вверх и полетел далеко, далеко за село, на бугры. Оттуда коротко ох-

нул, отозвался разрыв. Дед присмотрелся внимательно. В глубине пшеницы можно было заметить быстрое движение, можно было даже угадать фигуры людей. Завывание повторилось снова и снова. Мина за миной летели на далекие бугры, где окопалась рота лейтенанта Шрама. Дед Семен смотрел на солнце: оно опускалось к горизонту, багряно-красное, налитое кровью. Пыль подымалась над дорогой. Ласточки летали совсем низко, прижимаясь к земле.

Тогда дед Семен решился. Осторожно и медленно, стараясь вжаться в землю, бородой замечая пыль и чувствуя вкус ее на губах, переполз он дорогу и спрятался в глубине пшеницы.

Дрожащей рукой сорвал несколько стеблей, будто прощаясь, поднес к губам тяжелые, наливные колосья и вытащил спички. Было такое чувство, будто сейчас отрывает он от сердца самое дорогое, самое любимое. Но снова из глубины поля завывали мины, и спичка загорелась в руке.

Солома вспыхнула сразу громким и веселым пламенем. Будто вихрь охватил поле, и оно заиграло, неудержимыми волнами огня.

Немцы, опаленные, выскакивали, как крысы, из пламени на дорогу. Одежда горела на них, и они бросались в пыль, стараясь сбить огонь. Где-то в глубине поля с громом рвались мины и снаряды.

Дед встал во весь рост и, не спеша, пошел к посадке. Автомат лежал у него на руке. Старик даже не собирался прятаться; он прошел к посадке, на

мгновение остановился, весь окруженный молодыми дрожащими листьями, посмотрел на поле, охваченное пламенем, и исчез между ветвями.

А пламя играло над полем, и испуганные голуби, летая из села, белоснежными пятнами пронеслись в тучах густого, черного дыма.

ЭТО ИМ НЕ ФРАНЦИЯ...

Необозримая, покрытая сухими, крепкими травами степь расстилалась до самого моря. Однообразная и просторная, на ровные части разделенная узкими полосками лесных посадок, она казалась пустынной. Ветер с юга шевелит запыленные травы, старается оторвать с корня первые подсохшие шары перекапиполя.

Невысокая могила виднелась в ровном просторе. Каменная баба стояла на верхушке. Плоское лицо ее, вытесанное из грубого пюоздреватого камня, скрывало в себе сдержанную улыбку. Едва обозначенные руки, кругло сложенные на животе, подчеркивали спокойствие. В длинных, косо прорезанных глазах застыла неподвижная заинтересованность миром.

Стоит вот так на могиле в Таврийской степи старый скифский идол и смотрит своими косыми, монгольскими глазами. В звонке серебряного сухого ковыля, в дымах далеких пожарниц, в крови раненых

и убитых будто ищет он какую-то свою, только ему одному известную истину. Гудит глухими разрывами земля, и снова война проходит перед глазами идола, и Михаил Гайворон ложится с друзьями в окоп у подножья могилы. Ранним утром бой начинается в Таврийской степи, и, не сводя глаз, смотрит каменный бог на разлитую кровь.

Втроем засели они в неглубоком окопе, когда немцы рванулись от Каховки на юг. Справа и слева закопались в землю бойцы батальона. Гулиашвили, Шкаруба и Гайворон со склона могилы видели всю степь. Оттуда, где, спрятавшийся прозрачной мглою, чуть угадывался Днепр, должны были прийти немцы. Ожидали танков.

Теперь предчувствие боя было более тревожным, чем обычно. Друзья, не разговаривая, лежали в окопе.

Немцы появились именно там, где их ожидали. Они вышли из тумана, как будто выросли из-под земли, и, даже не перебегая, не наклоняясь, уверенные в безнаказанности и силе своей, двинулись на одинокую могилу. Они шли по-двое, один за другим, будто связанные невидимой нитью. Видно было, как ветер шевелит волосы на непокрытых головах их. Рукава курток были засучены у всех. Некоторые шли, совсем обнажив торсы, гордясь темным, из Греции привезенным загаром, выставляя напоказ свое презрение к врагу. Свежая, только что доставленная сюда из Афин дивизия шла в свою первую психическую атаку.

— Они пьяные, — тихо сказал Гулиашвили.

Гайворон не успел ответить. Над головами засвистели пули. Поток их мчался, не останавливаясь, не прерываясь ни на мгновение, и даже странно было, откуда берется такая сила огня.

Гайворон осторожно выглянул из окопа. Немцы шли так же, как и раньше, по-двое. Передний держал в руках автомат и, упирая его в живот, поливал землю огнем. Второй в это время перезаряжал обойму. Когда у первого кончались патроны, второй выходил вперед. Это напоминало танец, но Михаилу такое сравнение в голову не пришло. Почти со страхом смотрел он на психическую атаку немцев.

Немцы шли, еще не зная, где наши окопы, совершенно уверенные в своем преимуществе, в своей непобедимости.

Все трое: и Гулиашвили, и Гайворон, и Шкаруба — почувствовали под сердцем холодок. Это было и в самом деле страшно — смотреть, как, неся волну огня, идут немцы по Таврийской степи.

— Не удержим! — будто захлебнувшись воздухом, сказал Шкаруба.

Гулиашвили и Гайворон не ответили; они смотрели на степь, на парадный марш немцев, смотрели, не понимая, чего ожидает командир. Михаил прицелился, навел мушку точно на широкую, загорелую грудь первого немца. Стоит только тихо нажать спуск — и ударит выстрел и кровью зальется темнооливковый загар.

Слова «Огонь» никто из бойцов не услышал. До них только донесся голос командира, а все остальное потонуло в неудержимом обвале звонкого грома. Михаил Гайворон выстрелил. Он видел, как упал немец с оголенным торсом, видел, как ползком старался тот продвинуться вперед и, наконец, затих на сухой траве.

А вокруг били пулеметы и винтовки, била артиллерия, и все меньше и меньше немцев шло на одну-единственную могилу. Михаил стрелял, и с каждым его выстрелом падал враг.

Тогда немцы не выдержали. Сначала они упали на землю и залегли, ясно выделяясь на фоне ровной степи, потом не выдержали огня и побежали.

Они бежали, волоча за собой раненых, не думая об убитых. Большие черные пятна крови появились на траве. Ветер принес сладковатый запах свежего мяса. Первая психическая атака афинской дивизии окончилась.

Гулиашвили вылез из окопа и лег на траву. Он смотрел на каменного идола, и ему казалось, что улыбка на плоском лице стала шире.

— А ты говорил, не удержим,— сказал Гайворон, обращаясь к Шкарубе.— Вот мерзавцы, даже рукава засучили! Это им не в футбол...

Гайворон не договорил. Ударил и разорвался снаряд, за ним второй, третий, и началась уже хорошо знакомая свистопляска артиллерийской дуэли. Потом

над Таврийской степью опустился прозрачный звездный вечер, и тишина воцарилась над миром.

И уже после того как привезли ужин, после того как доели огромный, красный, на разрезе покрытый холодными росинками арбуз, Гайворон заговорил:

— Я сегодня много чего передумал, когда они, рукава засучив, на могилу лезли. И вот одного только я понять не могу: почему лезут они так, грудь подставляют? Неужели вера в дело свое у них так велика?

— Силу за собою чувят,— отозвался Шкаруба.— Чортова сила у них, потому и идут, не боясь!

Голос Шкарубы звучал резко, отрывисто, и Михаил поморщился. Гулиашвили внимательно посмотрел на Михаила, стараясь охватить его мысль, потом сказал:

— Сильный никогда не хвастается силой. И тут, друг, дело, видно, не в этом. Вон там лежит их сила.

Гулиашвили показал на степь, откуда несло сладковатым духом.

— Неужели они так в дело свое верят? — снова задумчиво проговорил Михаил.

Гулиашвили не ответил. Ночь опустилась, темнота погустела, звезды заиграли в небе, ясные и уже по-осеннему синие.

— Я тебе говорю: страшная сила у него.— после долгого молчания сказал Шкаруба,— и нам против силы такой трудно придется.

— А выстояли же сегодня,— тихо возразил Гулиашвили.

— Сегодня выстояли, завтра отойдем. Это же безумная сила какая-то. Я, ребята, смерти не боюсь,— волнуясь говорил Шкаруба,— но жить тоже хочу, понимаете вы, жить!

Шкаруба помолчал и через минуту заговорил снова: — Знаю, что вы сейчас думаете: мол, занервничал, выбился из колеи Петр Шкаруба. Не бойтесь, умереть я не хуже каждого из вас умею.

Никто ему не ответил. Михаил даже не очень ясно услышал, что именно говорил изнервничавшийся Шкаруба. Одна только мысль, один вопрос мучал его, а все остальное сейчас казалось несущественным. И ответ на этот вопрос надо было найти, потому что иначе жить, бороться становилось невероятно тяжело.

— Я защищаю себя, свою землю,— раздумывал Михаил Гайворон,— да и то мне иногда страшно, когда надвигается такой ливень огня. А почему же лезет под наши пулеметы он, немец, с непокрытой головой и засученными рукавами? Неужели знает он какую-то свою правду?

На этот вопрос нужно было ответить немедленно. Михаил решил найти Маковея. Искать долго не пришлось. Комиссар сам пришел на могилу. Пришел, повел носом, почуя трупный запах ветра — «много мяса наложили», — улыбнулся и присел у окопа.

И тогда Гайворон рассказал о своем, что мучало и терзало его на протяжении дня. Комиссар должен был ответить. А Маковей все выслушал, несколько минут

подумал, улыбнулся чуть заметно и неожиданно сказал:

— Вы можете вот сейчас пойти вперед и привести «языка»?

«Не хочет ответить, — подумал Гайворон, — наверное, и сам мучается так же, как и я, разыскивая ответ, потому и переводит разговор на другое».

— Так что же, сможете привести? — сказал комиссар, с улыбкой глядя на растерянные лица друзей.— Я бы вам сейчас на этот вопрос ответил, но, думаю, лучше будет, если это сам немец сделает. Одно только сейчас сказать могу: никакой правды, никакой веры в дело свое у немца нет. Тут все значительно проще, тут все значительно проще, друзья мои! — ласково, почти нежно сказал комиссар.

Через несколько минут Гайворон и Гулиашвили сошли с могилы. Шкаруба остался в окопе.

Пригибаясь, спеша, шли они вперед, к еле видимой в темноте полосе лесной посадки. Михаил спешил: скоро взойдет поздняя луна, станет светло, и тяжело будет незаметно взять немца.

Прошли, почти проползли полосу, покрытую немецкими трупами, бесшумно, как тени, приблизились к посадке и залегли, онемели, прислушиваясь. Боевое охранение немцев или, во всяком случае, хотя бы разведка должны были быть здесь. Но тишина стояла над степью, и Михаил уже решил было продвигаться дальше, когда сухо треснула ветка по ту сторону посадки. Бойцы застыли. В тишине слышались гомон,

разговор на чужом языке и, с каждой минутой все более ясный шелест ветвей.

Михаил увидел, как осторожно, медленно выполз немец на край посадки. Засученные рукава, непокрытая голова — один из тех, которые сегодня во весь рост шли в атаку.

И в ту же минуту немец увидел Михаила Гайворона. Собственно говоря, встретились они в посадке лицом к лицу, и даже в темноте ночи увидел Михаил, как панически забегали глаза перепуганного немца.

Гулиашвили бросился первый. С помощью Михаила схватил, скрутил он немца, и вдвоем, спеша, радуясь такой необыкновенной удаче, двинулись они назад к могиле.

Гайворон чувствовал, как нервная дрожь трясет большое тело немца, чувствовал покорные, умоляющие нотки в непонятных словах, и ему захотелось близко увидеть лицо врага, посмотреть ему в глаза.

Положил немца на землю, зажег спичку. На него взглянули выпученные, бесцветные глаза, глаза, наполненные паническим, животным ужасом. Молодое курносое лицо еще и сейчас казалось нахальным, но глаза выдавали все.

— Гаси огонь! — сердито крикнул Гулиашвили.

Все перевернулось в сердце Михаила Гайворона. С одной стороны невероятная психическая атака и впечатление безумной, непреодолимой силы, а тут же рядом эти глаза, полные страха, нервное дрожание

всего тела и умоляющие нотки в голосе. На все эти вопросы надо было ответить.

— Вот молодцы! — радостно встретил своих друзей Маковой.— Быстро справились! Теперь, Гайворон, на все твои вопросы ответ будет.

А пока ходили за переводчиком, пока командир отдавал последние приказы, Гулиашвили с Гайвороном сидели у маденького, хорошо замаскированного костра и рассматривали своего пленного. Неужели этот нервный, с перекошенным ртом и перепуганными глазами человек шел сегодня в психическую атаку?

Пришел переводчик.

— Меня не расстреляют?— было первым словом пленного.

Его успокоили, и, убедившись в том, что это правда и что расстреливать его не будут, немец неожиданно усмехнулся так льстиво, что Михаила невольно передернуло. Допрос начался.

— Вы были в боях во Франции?

— Да, под Амьеном.

— Какие были потери дивизии?

— Двенадцать солдат и один офицер.

— Вы были в Греции?

— Да, под Салониками. Там были большие бои. Мы потеряли там сто человек и двух лейтенантов.

Пленный говорил охотно, заглядывая в глаза, будто стараясь узнать, какой ответ больше понравится.

— Вы были в прошлой атаке? Сколько вы тут потеряли?

Лицо пленного неожиданно злобно передернулось. Угодливая улыбка исчезла:

— Мы потеряли вчера полк. Почти две тысячи. Нам сказали, что ваша армия уже давно разбита. Мы шли, как во Франции, это была огромная ошибка. Нас подвели...

И, овладев собой, немец снова, будто маску, натянул на лицо угодливую улыбку.

— Обыщите его,— приказал Маковей.

Немца обыскали. Из карманов появились фото и документы, маленькие кубики концентратов и, наконец, часы, несколько пар часов. Они были разные по размеру и цене — от маленьких женских ручных часов до карманных с ключом на цепочке.

— Я собирал коллекцию... На память...— пояснил немец.

— Видел, Гайворон?— сказал, смеясь, Маковей. — Смотри хорошо и слушай все, что он говорит. Слушай, какая у него правда.

И после допроса комиссар снова пришел в окоп на могиле. Светила луна, и тень от скифского идола тянулась далеко через степь. Маковей прилет на теплую землю и сказал:

— Вы меня спросили: что ведет немцев в такую атаку? Вы, ребята, даже подумали, будто, может, у них большая вера в свое дело, и большая сила, и большая смелость. А что вы думаете теперь?

— Не смейся над нами, комиссар,— сказал Гуляшевили.— Мы не знали.

— Ах мерзавец! — неожиданно вспыхнул гневом Гайворон. — Говорит, мы шли, как во Франции. Приучили их к прогулкам, так и тут погулять захотелось. Плюгавый, дрожит, смотреть противно! Видно, еще с десятка часов хотел украться.

— Да, — сказал комиссар, — они почти без потерь прошли всю Европу, и сами себе создали миф о непобедимости, и сами поверили в него. Точно так, как древние скифы сделали себе идола, поставили на могиле и сказали: бог. И еще немцам сказали: ты непобедим и можешь грабить, сколько угодно. А этому очень приятно верить. И вот идут они в психическую атаку и думают, что это Франция. Поверили, дураки! Но вор смел только до первого удара; увидите, что будет завтра.

Ночь догорела над осенней выбитой степью. Началось утро. Немцы снова пошли в атаку на могилу. Только теперь уже не было ни засученных рукавов, ни оголенных торсов. Немцы на каждом шагу зарывались в землю, волна за волной накатывались на могилу и каждый раз бежали назад.

— Это вам не Франция! — приговаривал Гайворон после каждой волны, посылая вдогонку пули.

И снова ночь опустилась над могилой, над широкой степью, над скифским идиолом. По степи тянуло тошнотным, трупным духом. Гарь от разрывов еще носилась в воздухе. Сидя на высокой могиле, Михаил Гайворон впервые за время войны запел. Он пел, по-

тому что большая тайна раскрылась перед ним и спала с сердца огромная тяжесть.

Гулиашвили подошел и сел рядом с Гайвороном, подтягивая мотив незнакомой песни. Негромкая эта песня плыла над Таврийской степью, и каменный идол на могиле застыло улыбался, будто и в самом деле узнав свою старинную каменную истину.

ПОСЛЕДНИЙ ПАТРОН

Маковой проводил глазами бойца Петра Шкарубю и облегченно вздохнул, когда тот спрятался за горой. Он посмотрел на Гайворона, который тоже смотрел вслед Шкарубю, потом, как умал только он, улыбнулся и сказал:

— Ну, что ж, теперь будем встречать гостей.. Смотри, уже идут...

Михаил Гайворон посмотрел в ту сторону, куда показывал комиссар. Два немецких танка ползли по степи. Пехоты с ними не было, и это сразу обрадовало Гайворона.

Комиссар вынул из окопа противотанковые гранаты, бутылки с зеленоватой жидкостью, которая загорается жарким белым пламенем, как только разобьешь стекло, и выстроил все это перед собой. То же самое сделал Гайворон. Танки должны были пройти возле

них или прямо через них. Другого пути не было — комиссар Маковой удачно выбрал место для окопа.

Чуть выглядывая из-за холмика земли, они ждали, когда подойдут танки. Неясно светило ласковое осеннее солнце. С моря тянуло теплым, чуть солоноватым ветром. Длинные нити белого, почти прозрачного бабьего лета плыли в потоках ветра.

Нарушая эту тишину и этот покой, на окопы с громом шли два немецких танка. Они шли все быстрее, и уже хорошо были видны кресты на башнях.

— Я бросаю первый,— приказал Маковой.

Михаил, не сводя взгляда с первого танка, кивнул головой.

Танк все приближался, уже ясно слышался гром гусениц, уже стали видны узенькие смотровые щели.

В это мгновение Михаил вспомнил степь неподалеку от Аскании-Новой и высокую могилу с каменной бабой — древним скифским идолом — на вершине.

Тогда немецкие танки тоже шли в атаку, и тогда бойцы чуть было не убежали. Это случилось совсем недавно, и в то же самое время это казалось очень далеким и давним. После того прошли многие дни войны, и Михаил многому научился: сейчас он не убежит.

Танк подошел совсем близко. Он шел прямо по дороге. Немцы не ожидали встретить сопротивление в этих местах: они были уверены, что дивизия уже давно отошла.

Когда до первого танка оставалось метров пятнадцать, Маковей приподнялся. В воздухе мелькнула граната, потом одна за другой три зеленых бутылки. Гайворон сделал то же, что и комиссар. Прогрелись взрывы, вспыхнуло пламя, и танк окутался тяжелыми облаками белого дыма. Из машины сквозь пламя и дым выскакивали обожженные немцы.

В то же мгновение прогремел еще один удар, и у дула пушки второго танка коротко блеснуло пламя. Снаряд разорвался у окопа, где сидел комиссар Маковей, разбил бруствер, далеко разбросал сухую желтую глину.

Немцы, выскочившие из облака белого дыма, быстро бежали ко второму танку. Они прыгнули на броню, танк повернул и быстро пошел назад. Вдогонку строчил пулемет комиссара Маковей, стрелял Гайворон, и немцы, сидевшие на броне, один за другим падали на осеннюю теплую траву. Комиссар перестал стрелять только тогда, когда кончились патроны. На танке уже не было немцев: их сбили Маковей и Гайворон. Танк мчался все быстрее и вскоре потерялся в необозримом степном просторе.

А у подножья высокой горы ярким факелом пылал второй немецкий танк, и снаряды рвались в середине его, разламывая тяжелую броню.

— Нам осталось продержаться два часа, — сказал Маковей. — Иди сюда, Гайворон, помоги мне.

Гайворон подошел к окопу комиссара и тихо охнул: Маковей был ранен. Он весь дрожал от напряжения

и, пошатываясь, с трудом стоял на ногах. Живот его заливала горячая кровь.

— Вам нужно лечь,— тихо сказал Гайворон.

— Да, нужно лечь,— согласился Маковой.

Гайворон выкопал рядом с глубоким окопом Маковой маленький окопчик, и туда тяжело перелез комиссар. Каждое движение доставляло ему нестерпимую боль, но он не сказал ни слова, не застонал, а только скрипнул зубами, укладываясь на землю. Он приказал поставить возле себя гранаты и застыл так, всматриваясь в степь. На Гайворона он боялся посмотреть, боялся выдать свою страшную, нестерпимую муку.

Но и без взгляда Гайворон понимал, что должен чувствовать сейчас комиссар Маковой. Он видел рану и удивлялся тому, какой страшной силой, какой волей к жизни владеет комиссар.

— Иди сюда, Гайворон,— неожиданно сказал Маковой.

Гайворон подполз ближе, лег рядом с комиссаром. Он заглянул Маковой в лицо и заметил, как вдруг обострилось оно.

Маковой вынул из кармана партийный билет, протянул его Гайворону и сказал:

— Вот тебе мой билет. Выдешь, отдай его комиссару. И не забывай разговора нашего, помнишь, что после Каховки был...

Михаил не мог сказать ни слова. Слезы подкатились, сжали горло. Гайворон никогда не думал, что

Когда до первого танка оставалось метров пятнадцать, Маковей приподнялся. В воздухе мелькнула граната, потом одна за другой три зеленых бутылки. Гайворон сделал то же, что и комиссар. Прогрелись взрывы, вспыхнуло пламя, и танк окутался тяжелыми облаками белого дыма. Из машины сквозь пламя и дым выскакивали обожженные немцы.

В то же мгновение прогремел еще один удар, и у дула пушки второго танка коротко блеснуло пламя. Снаряд разорвался у окопа, где сидел комиссар Маковей, разбил бруствер, далеко разбросал сухую желтую глину.

Немцы, выскочившие из облака белого дыма, быстро бежали ко второму танку. Они прыгнули на броню, танк повернул и быстро пошел назад. Вдогонку строчил пулемет комиссара Маковей, стрелял Гайворон, и немцы, сидевшие на броне, один за другим падали на осеннюю теплую траву. Комиссар перестал стрелять только тогда, когда кончились патроны. На танке уже не было немцев: их сбили Маковей и Гайворон. Танк мчался все быстрее и вскоре потерялся в необозримом степном просторе.

А у подножья высокой горы ярким факелом пылал второй немецкий танк, и снаряды рвались в середине его, разламывая тяжелую броню.

— Нам осталось продержаться два часа, — сказал Маковей. — Иди сюда, Гайворон, помоги мне.

Гайворон подошел к окопу комиссара и тихо охнул: Маковей был ранен. Он весь дрожал от напряжения

я, пошатываясь, с трудом стоял на ногах. Живот его заливала горячая кровь.

— Вам нужно лечь,— тихо сказал Гайворон.

— Да, нужно лечь,— согласился Маковой.

Гайворон выкопал рядом с глубоким окопом Маковой маленький окопчик, и туда тяжело перелез комиссар. Каждое движение доставляло ему нестерпимую боль, но он не сказал ни слова, не застонал, а только скриткнул зубами, укладываясь на землю. Он приказал поставить возле себя гранаты и застыл так, всматриваясь в стѣпь. На Гайворона он боялся посмотреть, боялся выдать свою страшную, нестерпимую муку.

Но и без взгляда Гайворон понимал, что должен чувствовать сейчас комиссар Маковой. Он видел рану и удивлялся тому, какой страшной силой, какой волей к жизни владеет комиссар.

— Иди сюда, Гайворон,— неожиданно сказал Маковой.

Гайворон подполз ближе, лег рядом с комиссаром. Он заглянул Маковой в лицо и заметил, как вдруг обострилось оно.

Маковой вынул из кармана партийный билет, протянул его Гайворону и сказал:

— Вот тебе мой билет. Выидеешь, отдай его комиссару. И не забывай разговора нашего, помнишь, что после Каховки был...

Михаил не мог сказать ни слова. Слезы подкатились, сжали горло. Гайворон никогда не думал, что

может заплакать. Как святыню, взял и спрятал он партийный билет комиссара Маковея.

И в эту минуту из-за горы прямо на окопы выскочил танк. Он мчался на большой скорости, и Гайворон еле успел спрятаться в своей норе.

Он хорошо видел Маковея в его неглубоком окопчике. Именно на него, надеясь раздавить его гусеницами, бросился танк. Смертельно бледный, Маковей приподнялся в своем окопе. Стреляя из пулеметов, танк шел на комиссара. Собрав последние силы, Маковей бросил гранату и упал. Танк остановился. Пушка его дважды ударила по окопу, где лежал комиссар.

Тогда появился из-под земли Гайворон. Он бросил бутылку. Коротко зазвенело, разбиваясь на мелкие осколки, стекло, пламя охватило танк. Набирая скорость, стараясь сбить этот бушующий красный огонь, танк бросился назад и спрятался за поворотом. Снова тишина воцарилась над степью.

Гайворон вылез из окопа и подошел к Маковею. Комиссар лежал мертвый, лицом к небу. В эту минуту оно было очень красивым, это строгое, застывшее лицо.

Гайворон медленно снял каску. Он был уже опытным бойцом и знал цену смерти. Он стоял несколько минут и смотрел на комиссара, будто прощаясь, потом быстро схватил лопату и, торопясь, похоронил Маковея в глубоком окопе. Он боялся, что немцы помешают ему.

А потом отошел в сторону и снова стал на свое место. Теперь он был один среди широкой пустынной степи. Против него сейчас пойдет множество врагов. Но он не уйдет. Тут, в этом окопе, он должен, он будет держаться.

Михаил вытащил из кобуры пистолет комиссара. Там был только один патрон. Сергей Маковой оставил только один, последний патрон. Гайворон бережно спрятал пистолет в карман. Этот последний патрон может пригодиться. Патронов в винтовке не было. Они расстреляли все патроны и расстреляли недаром. Оставались две противотанковые гранаты и, наконец, штык.

Михаил стоял в своем окопе, смотрел на степь и думал о смерти комиссара. Вспомнилось, как когда-то, лежа в кукурузе, еще под Николаевом, комиссар сказал:

— Я тебе признаюсь. Мне очень хочется жить...

Михаил вспомнил эти слова и посмотрел на невысокий желтый бугорок, под которым в последнем смертельном усилии застыло тело комиссара.

Еще один танк вышел из степной мглы и пошел прямо на Гайворона. Начинался поединок — тяжелая бронированная машина шла против бойца. Боец ждал ее. Он был готов встретить ее в бою. Один против одного.

Михаил понимал, что ему, может быть, не удастся уйти отсюда живым. Он знал, что именно сейчас смерть подошла к нему так близко, как никогда еще не подходила.

И он остался на месте, он приготовился к бою. Он знал, что смерть можно победить только силой, храбростью, твердостью. Он решил победить смерть.

Бешено мчался танк. Пыль вилась за ним, гром гусениц сливался в протяжный вой. Танк мчался точно на окоп, и Гайворон подумал, что если он сейчас высунется хотя бы на мгновение, то ударят пулеметы и он не успеет бросить свои гранаты.

Они должны были встретиться лицом к лицу, и Гайворон знал, что это будет страшный бой. Зажав все нервы, будто схватив их своей тяжелой, огрубелой рукой, Гайворон заставил себя лечь на дно окопа. Ухом, прижатым к земле, он слышал, как гремит, приближаясь, танк, слышал, как лязгают стальные звенья гусениц.

Вдруг исчезло сероватое, задумчивое небо, кусочек которого был виден из окопа. Гром и звон оглушили Гайворона. В окоп осыпалась земля. Танк наехал на окоп, повернулся на одном месте, стараясь раздавить все живое, что было там, и рванулся дальше.

И тогда Михаил Гайворон встал в окопе. Теперь танк уходил от него, и боец боялся только одного — боялся, что не успеет бросить гранаты. Собрав все свои силы, понимая, что это — последнее мгновение, что через секунду будет уже поздно, метнул он гранаты в танк. Одна взорвалась где-то внизу, вторая — наверху, возле башни. С громом разошлась и сползла на землю длинная блестящая гусеница.

Михаил выскочил из окопа. Охваченный непонятным чувством, подбежал он к танку, держа в руке винтовку, в которой не было ни одного патрона, стал кричать и кулаками стучать по броне. В эту минуту он не понимал, почему поступает именно так; он знал, что его каждую минуту могут убить, но ярость боя была в нем сейчас сильнее всего.

Он не боялся смерти. Плен был куда более страшным, но в кармане лежал пистолет комиссара Маковея, и в дуле его был патрон. Комиссар Маковей оставлял этот последний патрон для себя. Теперь эта последняя пуля может послужить Михаилу Гайворону.

Охваченный неудержимой яростью, Гайворон бегал вокруг танка, бил кулаками и прикладом по броне, кричал что-то, приказывая немцам выйти.

Он чувствовал, что тут, совсем близко за броней, сидят его враги, он хотел дорваться до них, до их горла, резать, колоть, увидеть кровь, еще раз отомстить за смерть комиссара Маковея. Сдержанность эту свою ярость он уже не мог.

Немцы выскочили из танка и бросились к Гайворону. Тут он вспомнил о своем последнем патроне. Наверное, именно сейчас нужно использовать его, иначе немцы схватят, сомнут, свяжут и потащат в плен.

Но вместе с этими мыслями, будто молнией, ударила другая мысль:

«Зачем умирать самому, если этой последней пулей можно убить еще одного немца, а потом драться

штыком, кулаками, грызть зубами, железными пальцами дотянуться к горлу, услышать предсмертный крик врага!»

Глаза Михаила заволокло красной пеленой. Сейчас он уже ни о чем не думал. Сейчас он знал только одно: за его жизнь немцы должны заплатить как можно дороже.

Рывком дикой силы бросился он навстречу немцам, выхватил пистолет и выстрелил первому прямо в грудь. Потом, забыв о том, что у него есть штык, схватил винтовку за дуло и, будто дубиной, ударил прикладом второго по голове.

Упал с разможенной головой второй немец, а остальные повернули и побежали назад. Михаил бросился за ними. На бегу он размахивал винтовкой и что-то кричал. Но немцы удирали все быстрее и быстрее. Красная пелена скрыла их, и тогда Михаил очнулся.

Он остановился, как вкопанный. Пелена спала с глаз. Он увидел широкую степь, две маленькие фигурки, которые, все уменьшаясь, исчезали в степной мгле, и вдруг понял, что из этого неслыханного боя вышел победителем.

Он повернулся, дошел до своего окопа, осмотрел трупы убитых немцев возле подбитого танка. Не спеша, влез в немецкую машину, зажег бензин, который полился из маленького краника, и быстро вылез. Пламя взвилось над танком. Михаил поднял свою винтовку,

осторожно вытер с приклада кровь и снова стал на свое место в окоп.

Предвечерний ветер гнал по степи шелестящие серые шары перекаати-поле. В небе, вытянувшись, летели на юг дикие гуси, и трубный крик их напоминал сигнал тревоги.

КОБЗАРЬ

На дворе мертво, ни шороха, ни движения. Двери из хаты закрыты наглухо.

Два немца зашли во двор. Подождали несколько минут, пока появились еще трое, потом подошли к хате и постучали в темный, мореный дуб дверей.

Дед Гайворон не отозвался. Лежал он на полу, на вытертом кожухе и шевельнуться не мог. Струйка крови смочила кожух, потекла на пол. После боя некому было перевязать рану.

Немцы подошли к окнам. Дед видел за стеклом их неясные, будто размытые фигуры, но шевельнуться не смог. Он слышал, как выламывают тяжелые двери, слышал осторожные шаги и все-таки лежал недвижно.

Немцы зашли в хату, держа автоматы наготове. Они увидели расплюснутого на полу деда Гайворона, увидели тоненький ручеек крови и остановились, присматриваясь недоверчиво и подозрительно.

В это мгновение шевельнулись, будто взлетели, длинные ресницы деда Гайворона. Блеснули глубокие ясные синие глаза. Немцы подались назад, будто ударили их этим спокойным взглядом. Смотрели на деда, не веря, что перед ними дед Гайворон, сам дед Гайворон.

— Пришли,— сказал дед,— ну, берите, чортовы души, все равно не сбежите, я за вами и с того света придти буду.

Самый молодой из немцев, еще совсем мальчик, с черепом и перекрещенными костями на рукаве, вдруг навел на Гайворона автомат. Руки его мелко дрожали. Дуло прыгало в воздухе перед самым лицом старика.

— Вставай! — иступленно закричал юнец.

— Тут убивайте,— ответил дед.— В этой хате умереть хочу. Я тут родился, тут вырос, тут и смерть приду. Ты чего дрожишь, сопливый? Кто кого судить пришел: ты меня или я тебя?

Гайворон повел взглядом вокруг. И тогда, сдерживая страх, немцы принялись за работу. Прозолокой скрутили деду руки, привязали длинную веревку к ногам и потащили старого Гайворона из хаты.

Голова глухо стукнула на пороге, но боли не было. Казалось, будто исчезли вообще все чувства и мир проплывает перед затуманенными глазами затянутый густой дымкой. Деда поволокли по улице. Два немца, как в упряжке, тащили веревку, трое с автоматами шли сзади.

Голова деда билась о камни, и казалось, что уже затихло сердце, уже замерла жизнь в огромном теле.

Село вымерло. Ни живой души во дворах, пусто на улицах. Только пятеро немцев идут к комендатуре, тянут деда. На пыли, на пожелтелой траве остается длинная смятая полоса да иногда яркая капелька крози.

В комендатуре лейтенант Кугельбранд ожидал деда Гайворона, нетерпеливо посматривая на Пфальца. Лейтенант старался быть совершенно спокойным. Но Пфальц видел, что комендант нервничает.

— Странно, почему так долго не идут! — сказал лейтенант.

— Вы ловили его несколько месяцев, а сейчас вам кажутся слишком длинными полчаса, — насмешливо ответил Пфальц.

Раскрылись двери, и солдаты втащили Гайворона. Длинное тело деда распростерлось на полу.

— Идиоты, притащили труп! — выругался лейтенант.

Пфальц встал со стула и подошел к Гайворону. Наклонился к груди, прислушался. Услышал ровный стук сердца и улыбнулся:

— Живучая тварь! Дайте-ка спирту.

Ему принесли бутылку. Пфальц вынул из кармана большой, похожий на садовый нож с блестящим лезвием, разжал деду зубы и влил спирт. Судорога свела тело Гайворона. Хриплое дыхание вырвалось из груди. Глаза раскрылись.

— Где партизаны? Где партизаны? — прокричал Пфальц так громко, будто боялся, что дед не услышит.

— Не кричи, — прохрипел дед, — я все равно не скажу.

Лицо Пфальца передернулось:

— Можно повесить его! Эта тварь не скажет.

И тогда лейтенант Кугельранд разрешил себе улыбнуться. Он посмотрел на старого Пфальца свысока, как смотрят на неопытного мальчика.

— Не скажет? — ласково спросил он. — Значит, вы плохо знаете лейтенанта Кугельранда. Я сумею заставить его сказать. Сначала он скажет все, что я захочу, а потом все, что знает. Одно мгновение..

Лейтенант вышел, и сейчас же из-за стены послышалось монотонное гудение горна. Пфальц пожал плечами и сел к столу. Лейтенант вернулся в комнату, держа щипцами кусок раскаленного железа.

— Кричи: «Хайль Гитлер!» — сказал он, садясь на грудь деду и к самому глазу, поднося раскаленный добела металл.

Дед посмотрел на лейтенанта, на искристый, пылающий брусок железа, посмотрел на окно, как будто желая в последний раз увидеть луч солнца, и тихо сказал:

— Да здравствует Сталин!

Рука лейтенанта опустилась. Дайте силы выдержать боль и не закричать, дайте еще раз посмотреть в окно, на высокое небо, где играют веселые лучи солнца! Дайте смерти, потому что страшно жить в вечной тьме!

Довольно. Не будет ни жизни, ни смерти. Есть только тьма, вечная тьма, потому что уже дважды опустилась рука лейтенанта, потому что уже никто не увидит светлосиних глаз деда Гайворона.

— Вынесите, поговорим завтра,— приказал Кугельранд.

— До завтра он умрет,— сказал Пфальц.

— Вы не знаете, какие они живучие,— повторяя слова Пфальца, ответил лейтенант.— В одного я выпустил восемь пуль. Стрелял в грудь и в голову, а он все еще тянулся ко мне фруками.

— Это правда,— думая о чем-то своем, ответил Пфальц.

А в сарае, на грязной, прелой соломе неподвижно лежал дед Гайворон. Капельки крови вытекали из глаз и по вискам плыли на землю. Проволока, как нож, врезалась в распухшие руки.

Никто не стоял на страже у сарая. Слепой, связанный дед Гайворон убежать не мог. Кугельранд теперь будет спокойно спать в своей комендатуре.

Настала ночь. Первый заморозок побелел травы. В темноте длинной холодной ночи очнулся Гайворон. Он шевельнул руками, но проволока еще сильнее врезалась в тело. Сноза открылась рана на плече. Кругом стояла сплошная кровавая темнота.

Дед шевельнулся, встал, наступил, оторвал от левой ноги кусок веревки и сделал шаг вперед. Из раскрытых дверей сарая тянуло холодным ветром. Гайворон пошел навстречу этому знакомому свежему потоку. Он шел осторожно, шаг за шагом, пока не вышел во двор.

Ночь охватила его тишиной и холодом. Дед Гайворон повернул голову, будто осматриваясь, и пошел. Он шел медленно, но уверенно и твердо, крепко ставя ногу.

По запаху примороженных трав он понимал, что через несколько часов начнется рассвет. За эти несколько часов нужно было дойти до Соломки, а потом уже можно и умереть. Слепой, истекающий кровью, шел дед Гайворон по своей земле. Он знал эту землю с малых лет, деды и прадеды его ходили по этой земле, и сейчас по ней, может быть, в свой последний путь шел старый Гайворон.

Он знал тут каждую ямку, знал, где растет какая трава, где падает ветер, переваливаясь с высоты, где звенят, стекая в балку, чуть заметные ручьи. Он шел, обратив лицо к небу, и казалось, будто старый Семен Гайворон идет и любуется неповторимой красотой осенних созвездий.

По тропинке, ни разу не сбившись, он сошел в балку, постоял и, почуяв среди тысячи знакомых запахов пряный запах примороженного любыстка, круто свернул направо. Теперь путь его лежал через поле, через огромный массив сожженной пшеницы.

Дед шел все еще уверенно, но с каждым шагом силы покидали его, каждый шаг казался последним. И уже далеко за сожженным полем, почти у байрака, споткнулся старик на старой, забытой меже и без чувств упал навзничь.

Солнце взошло над степью, и из терновых чащ, будто купаясь в розовых солнечных лучах, в воздух взлетел ворон. Он сделал огромный круг, поднимаясь все выше, потом остановился и медленно стал опускаться на застывших крыльях к сожженному черному полю, пожел-

тевшим травам, к неподвижному телу, застывшему на меже.

Сел деду на лоб, покрутил головой, рассматривая, потом клюнул кровавый глаз. Старик не шевельнулся. Ворон осмелел.

Из своего логова Соломка видел все: широкий полет черного ворона и неожиданное падение его. Прилетел второй ворон и опустился, будто упал, на то же место. Тогда Соломка вылез из байрака.

Бесшумно пробирался он между тернами, ложился на землю, прислушивался и полз вперед.

Дед Гайворон шевельнулся и застонал. Вороны отскочили в сторону, но не взлетели. Они не боялись деда: они знали, что это их первая добыча, верная пожива.

Дед Гайворон встал. Он уже не понимал ничего, не чувствовал ветра, ни запаха трав, ни теплых лучей солнца. Нечеловеческая сила ненависти вела его по земле, и, покоряясь этой силе, шел вперед старый Гайворон.

Соломка увидел его, выбежал из-за кустов, поглядел и понял все.

— Что они сделали! — в отчаянии простонал он.

— Врешь, Соломка, врешь, — сквозь зубы проговорил дед, — я так не умру.

И снова пошатнулся и упал, и снова высоко, высоко в небе закружились черные откормленные вороны.

С того дня куда-то исчез, будто в самом деле распался совсем партизанский отряд Соломки. День про-

ходил за днем, неделя за неделей, и даже старый недоверчивый Пфальц начал успокаиваться.

А в один ясный, холодный день неизвестно откуда появился на большом шляху старый дед. Маленький мальчик вел его за руку. Красно-черные провалы зияли у деда вместо глаз. Старая бандура на сыром ремне висела через плечо. Дед шел медленно, прислушиваясь к каждому движению своего маленького поводыря.

Так дошли они до старой могилы и остановились у подножия. Дед сел на землю, снял бандуру, тронул струны твердым, будто каменным ногтем. Бандура отозвалась ясным, перелизным голосом. Дед прислушался и запел. Тихо, в голос со струнами, говорил он слова старой песни. И с каждым словом крепчал его голос, будто наливался металлом, будто оживляли в нем забытые слмы:

Гей, морозе-Морозонку,
Ти слааний козаче,
За тобою, Морозенку,
Вся Вкраїна плаче...

Пел дед, и плыла над полями его тоскливая песня, и звенел сильный, чуть хриплый голос.

Дед Гайворон пел, прислушиваясь к своей песне, и смертельная тоска сжимала сердце.

А потом пошел дед Гайворон большим шляхом на Черный Яр. Он шел, держась за плечо своего маленького поводыря, шел, часто отдыхая.

А песня плыла над степью, и люди прислушивались,

и казалось, поет это сама измученная, окривевшая земля.

Дошел до самого Черного Яра, остановился и долго сидел на придорожном камне у перекрестка двух дорог. Крепко, до боли сжал плечо поводыря и сказал:

— Глаза выжгли, ничего, песню петь буду. Язык вырвут — дыханием травить буду. Убьют — с того света приходите буду. И на том свете не забуду.

Замолчал дед. Встал с камня и пошел вдоль дороги. И долго еще маячила его высокая несогнутая фигура и плыла над землей песня:

...За тобою, Морозенку,
Вся Украина плаче...

Вилась песня, и люди прислушивались и подходили к деду Гайворону, еще не решаясь заговорить.

Поздно ночью вернулся к Соломке поводырь, передал несколько слов и снова исчез. А утром битыми, покрытыми пылью и крозью шляхами снова пошел дед Гайворон, и старая песня его звучала, как призыв, звенела над землей и пробуждала надежды.

КОГДА ГОВОРИЛ СТАЛИН

Между неглубокими шиповником и терном, заросшими буераками, проходил широкий шлях. Поздняя осень шла над степями, и пожелтевшие травы уже приникли к земле, обожженные первым морозом.

Солнца не было. Низко над землей тянулись серые тучи. Верховой ветер гнал их на восток, то разрывая, то снова сбивая в кучу туманные клочки. Иногда между тучами прорывались лучи солнца. А потом снова порыв ветра, и снова сплошное море туч, и снова осенний дождь.

По размолотой дороге бесконечным однообразным потоком шла армия. Невысокая арка стояла на бугре впереди широкого шляха. Дерево столбов потрескалось, посерело от ветров и дождя. Обрывки маленьких флажков еще шелестели на ветру.

«УССР. Сталинская область. РСФСР. Ростовская область» — было написано на маленьких потрескавшихся табличках.

День и ночь, день и ночь проходили возле арки полки. Черная грязь заливала дорогу. Люди и лошади падали от усталости, снова вставали, и снова шли, и шли туда, где, невидимое за тяжелой пеленой туч, всходило солнце.

Наконец армия прошла. Канонада приблизилась. Ясно видимыми стали отсветы выстрелов. Это части прикрыва- тия, отступая, вели бой.

Михаил Гайворон пришел к арке, когда на шляху уже никого не было. Только глубоко выбитые колеи да тысячи следов остались на мокрой, жирной земле. Тут, на этом бугре, рота занимала оборону.

Михаил подошел к арке, внимательно прочитал написанное на табличках и отвел глаза.

— Так, — тихо, сквозь зубы сказал он, — кончилась Украина.

Гулиашвили подошел ближе, тоже посмотрел на арку, прочитал написанное и не сказал ничего.

А Михаил зло сплюнул в лужу мутной осенней воды, вытащил лопату, поплевал на руки и начал копать окоп. Короткими движениями отбрасывал он в сторону жирный чернозем. Гулиашвили работал рядом. Он выкопал себе неглубокую ямку, чтобы только можно было лежать, сделал стоки для воды, приладил автомат и залег, всматриваясь в мгlistую, дождевую даль.

А Гайворон все копал, будто стараясь добраться до самого сердца земли. Красная глина летела далеко из ямы.

— Ты, видно, тут зимовать собрался, — сказал Гулиашвили, когда Михаил остановился на минуту и стал крутить папиросу.

— Я отсюда не пойду, Ваню, — сказал Гайворон, снова наклоняясь над своим окопом.

Снова полетели вверх куски красной глины.

Глухо забвенело железо, лопата ударилась во что-то твердое. Гайворон наклонился, рассматривая. Почернелые кости виднелись на дне ямы. Михаил зацепил лопатой и вытащил человеческий череп. Круглая дыра темнела над правым глазом. Михаил посмотрел и положил череп на бруствер. Глазницы смотрели на Запад в темный осенний дождь.

Гулиашвили свистнул. Так суслик поевистывает, си-

дя около своей норки, дразнит коршуна-стервятника: свистнет и спрячется глубоко под землей.

Михаил быстро исчез в своем окопе. Он хорошо знал свист Вано. Подходили немцы. Не спеша, взял в руки свой автомат, сменил диск и после этого осторожно выглянул из окопа.

Внизу, скользя по мокрой грязи, раскорячив ноги, чтобы не упасть, на трех мотоциклах ехала немецкая разведка. Немцы ехали уверенно, видимо, не ожидая встретить сопротивление. Они следили только за тем, как бы не засесть в глубокую грязь, ругались между собой, и голоса их были ясно слышны на бугре.

Вдруг передний мотоцикл остановился, и за ним остановились остальные. Гайворон видел, как замер, прицеливаясь, немец, пригнул голову. Пуля свистнула. Череп на бруствере вздрогнул. Точно посреди лба на заплесневевшей кости появилась вторая дыра.

«Снайпер», — подумал Михаил, поднимая автомат.

Гулиашвили повторил его движение. Пули посыпались, как горох, и снайпер упал из коляски мотоцикла. Еще один немец наклонился к рулю. Мотоциклы загремели, завернули и помчались назад.

Гулиашвили посмотрел на Михаила, но тот не заметил этого взгляда. Он углубился в свои мысли, в воспоминания, которых так много появлялось на этой маленькой высотке, увенчанной старой аркой с остатками бледнорозовых флажков.

Так и лежали они рядом в тишине и молчании. День приближался к вечеру, потемнели туманы, к земле опу-

стились тучи. А в мокром, холодном окопе Михаил думал, как хорошо, бывало, в этот вечер готовиться к большому празднику. В эти часы уже замирал завод и корабли в доках казались огромными сонными рыбами. А на улицах Николаева, украшенных флагами и светом, двигалась радостная праздничная толпа и, готовясь к празднику, рядом с друзьями своими ходил и Михаил. Где они сейчас, друзья?

За бугром, в долине, зашевелились люди. Кто-то звал Гайворона, Гулиашвили. Привезли обед.

Михаил не пошевелился. Ваню пошел один и принес котелок. Гайворон ел быстро. Горячий борщ обжигал губы. Пообедал и снова засел в своем окопе лицом на запад, туда, где за ветрами и туманами катил свои волны Днепр, возвышался на горах Киев, простиралась Украина...

До сих пор такие мысли появлялись не часто, а если и появлялись, то быстро исчезали в напряжении боя. А когда полная тишина стоит над фронтом, когда трепещут на ветру выцветшие флажки, невольно тоска сжимает сердце.

Гулиашвили придвинулся ближе, заглянул в лицо Гайворону. Михаил отвел взгляд.

— Тоскуешь, друг, — сочувственно сказал Ваню, хотел еще что-то сказать и не нашел нужного слова.

— Отойди, Ваню! — сердито сказал Гайворон. — Тебе этого не понять. Печет меня. Сердце печет...

Гулиашвили откинулся, как ужаленный. Смотрел на Гайворона и глаза его горели пнемом.

— Так,— тихо сказал он,— значит, раньше я понимал все, а теперь перестал понимать. Значит, ты думаешь, мне легко Украину оставить, мою Украину? Значит, теперь...

Вано задохнулся от гнева.

— Я не про то, Вано,— сказал Гайворон.—И мне, и тебе, и всем, кто на Украине кровь пролил, тяжело эту границу перейти. Понял?

Гайворон помолчал, посмотрел в туман, прислушался к чему-то и прошептал:

— Я тут умру. Дорого жизнь свою отдам, а не отойду.

Вано не ответил. Молча смотрел он на Гайворона, смотрел так, будто впервые увидел своего друга. Потом он отполз в свой окоп, и с полчася на высоте возле арки было тихо, только посвистывал ветер да шелестели оборванные флажки. Гайворон видел, как шевельнулся Вано, будто желая что-то спросить. Михаил даже посмотрел на него, но тот вдруг снова камнем лег в своем окопе. Потом все-таки встал и, не оглядываясь на Гайворона, начал копать. Лопата за лопатой зарывался он в землю.

Когда пришел Батаев, Гулиашвили уже закончил свою работу. Комиссар посмотрел на окопы, на бойцов и улыбнулся.

— Хорошо окопались,— сказал он, лежа на глину

рядом с Михаилом.— Есть куда спрятаться. А что нового слышно?

— Разведку на мотоциклах выслали они. Двоих мы сняли, вот и все.

— Добро,— улыбнулся Батаев и сказал тихо, будто доверяя большую тайну, — вы вот слушайте меня, ребята. Тут останутся только наблюдатели, а вы сами, так через полчаса, слезайте вон туда, в лошину, где радио стоит Товарища Сталина будем слушать.

Гайворон даже из окопа вылез:

— Товарища Сталина?

— Да, сегодня в Москве будет говорить товарищ Сталин.

Батаев легко встал, опустился с бугра вниз и вдруг будто сквозь землю провалился, прилег около кого-то из бойцов.

— В Москве будет говорить Сталин.

Гайворон даже не смог сразу охватить всего значения этих слов. В Москве, в самом центре фронта, в городе, к которому за последний месяц тянутся все мысли, будет говорить Сталин.

Время остановилось. Пережить эти полчаса было невозможно. Минуты становились длиннее дней.

— Он обо всем скажет,— сказал Гулиашвили, и во взгляде его Михаил увидел отражение всех своих мыслей, всех болей,— он мне обо всем расскажет. Слышишь, друг, обо всем!

Далеко из лошины послышался голос Батаева, и бойцы батальона побежали вниз. Будто ожила неожиданно

сама земля, шевельнулся каждый бугорок, каждый кустик.

Бойцы сбежались и окружили радиостанцию. Ни одного слова, ни одного дыхания. Что-то звенело в эфире, и бойцам казалось, что уже слышат они шум большого зала, слышат громовой обвал оваций встречи, даже видят всю Москву в эти неповторимые минуты.

Гайворон рядом с Гулиашвили стояли перед самым громкоговорителем. Начал накрапывать дождь, его никто не заметил. Дождь усилился, холодные капли потекли за воротники, бойцы вытащили плащ-палатки, сперва накрыли радио, потом покрылись сами и снова застыли в ожидании.

И в эти минуты самого напряженного ожидания над головами что-то свистнуло, завывало и белый разрыв мины расцвел на бугре.

— Неужели прослушать не дадут? — вырвалось у кого-то, и все почувствовали горькую боль этих слов.

Прошла еще минута, снова завывала и разорвалась мина и тогда все стало понятным: это немцы подвезли миномет и будут бросать по одной мине, стараясь создать впечатление, как будто бы тут очень много минометов.

Батаев поднял глаза. Все поняли его мысль. Решения ожидали, чувствуя холод под сердцем.

— Кто пойдет? — спросил Батаев.

И впервые за всю войну на этот вопрос не ответил никто. Политрук обвел взглядом бойцов:

— Гайворон и Кротов.

Гайворон отвернулся, Кротов закусил губу.

— Есть!

Они вышли из круга бойцов, и снова молчание воцарилось возле радиостанции. Только слышался звон эфира, да легкий шелест дождя.

— Нам нужно услышать хотя бы одно слово,— сказал Кротов и неожиданно согнулся, почти упал на землю.

Мина свистнула и разорвалась совсем близко.

— Он сидит где-то здесь,— сказал Гайворон.— Скопее, Кротов.

И они побежали сквозь густую завесу дождя, разбрызгивая грязь, задыхаясь, не чувствуя сердца. В полутьме прошли передний край и углубились в расположение врага. Они действовали быстро и вдохновенно, потому что только от быстроты зависело, удастся ли им услышать хотя бы одно слово вождя.

Они лезли ползком и зарывались в землю, не чувствуя ни холода, ни страха, и наконец нашли этот проклятый миномет на краю глубокого, поросшего шиповником оврага. Подползли тихо, будто подплыли, и четыре гранаты разорвали завесу дождя, и послышался предсмертный крик немца и испуганное ржание коня.

Еще никогда так смело не действовали бойцы. Тут не могло быть мысли о страхе, потому что во всем мире должна быть тишина, когда говорит Сталин.

А потом они бежали назад, уже не чувствуя ни дыхания, ни сердца. Ветер бил им навстречу тяжелыми каплями дождя, немцы строчили вдогонку из пулеметов,

сама земля, шевельнулся каждый бугорок, каждый кустик.

Бойцы сбежались и окружили радиостанцию. Ни одного слова, ни одного дыхания. Что-то звенело в эфире, и бойцам казалось, что уже слышат они шум большого зала, слышат громовой обвал оаций встречи, даже видят всю Москву в эти неповторимые минуты.

Гайворон рядом с Гулиашвили стояли перед самым громкоговорителем. Начал накрапывать дождь, его никто не заметил. Дождь усилился, холодные капли потекли за воротники, бойцы вытащили плащ-палатки, сперва накрыли радио, потом покрылись сами и снова застыли в ожидании.

И в эти минуты самого напряженного ожидания над головами что-то свистнуло, завывло и белый разрыв мины расцвел на бутре.

— Неужели прослушать не дадут? — вырвалось у кого-то, и все почувствовали горькую боль этих слов.

Прошла еще минута, снова завывла и разорвалась мина и тогда все стало понятным: это немцы подвезли миномет и будут бросать по одной мине, стараясь создать впечатление, как будто бы тут очень много минометов.

Батаев поднял глаза. Все поняли его мысль. Решения ожидали, чувствуя холод под сердцем.

— Кто пойдет? — спросил Батаев.

И впервые за всю войну на этот вопрос не ответил никто. Политрук обвел взглядом бойцов:

— Гайворон и Кротов.

Гайворон отвернулся, Кротов закусил губу.

— Есть!

Они вышли из круга бойцов, и снова молчание воцарилось возле радиостанции. Только слышался звон эфира, да легкий шелест дождя.

— Нам нужно услышать хотя бы одно слово,— сказал Кротов и неожиданно согнулся, почти упал на землю.

Мина свистнула и разорвалась совсем близко.

— Он сидит где-то здесь,— сказал Гайворон.— Скорее, Кротов.

И они побежали сквозь густую завесу дождя, разбрызгивая грязь, задыхаясь, не чувствуя сердца. В полутьме прошли передний край и углубились в расположение врага. Они действовали быстро и вдохновенно, потому что только от быстроты зависело, удастся ли им услышать хотя бы одно слово вождя.

Они лезли ползком и зарывались в землю, не чувствуя ни холода, ни страха, и наконец нашли этот проклятый миномет на краю глубокого, поросшего шиповником оврага. Подползли тихо, будто подплыли, и четыре гранаты разорвали завесу дождя, и послышался предсмертный крик немца и испуганное ржание коня.

Еще никогда так смело не действовали бойцы. Тут не могло быть мысли о страхе, потому что во всем мире должна быть тишина, когда говорит Сталин.

А потом они бежали назад, уже не чувствуя ни дыхания, ни сердца. Ветер бил им навстречу тяжелыми каплями дождя, немцы строчили вдогонку из пулеметов,

а они бежали, не обращая внимания на дождь, презирая свист пуль.

Они взбежали на бугор, где возвышалась арка, и прямо скатились вниз в тишину застывшего круга бойцов. Оборвалось сердце, и Михаил упал на землю в изнеможении, но все-таки услышал голос твердый и уверенный:

— Победа будет за нами!

Он услышал только эти последние слова да еще бурю аплодисментов, которые охватили весь зал, всю страну, весь мир.

Подошел Батаев, наклонился к Гулиашвили, вдвоем подняли они Михаила Гайворона с земли.

— Спасибо, Гайворон,— сказал Батаев.— Идем, я расскажу тебе о том, что говорил товарищ Сталин.

Они исчезли в большом окопе, вырытом на самой границе Украины. Накрылись сверху плащ-палаткой, и сразу в окопе стало тепло и уютно.

Над буграми гулял ветер, сыпал противный, надоедливый дождь, а в тишине окопа Михаил Гайворон сидел и, боясь пропустить слово, слушал политрука Батаева.

Выслушал все до самого конца, подумал, припоминая все с начала, и сказал:

— Значит, истреблять будем. И отступать нам уже недолго. Не кончилась Украина, комиссар. Не кончилась Украина!

56

1. 58 r.

03

Цена 20 коп.